

Судьба.

Пророчества не избежать. Попытаться - значит заставить его случиться уникальным и неожиданным образом. Это знать конец истории еще до того, как вы начали читать, и все, что остается знать, - как добраться до этой точки. Судьба и пророчество, тонкие нити будущего, выстроенные в узоры или запутанные в узлы.

Этой ночью волшебник хотел изменить свое будущее, а сделал это сам. В эту ночь крыса убежала и спряталась.

В эту ночь двое Поттеров умерли, а один выжил.

Но мальчик, который выжил, изменился, и его глаза, так похожие на цвет убивающего проклятия, которое должно было разрушить его душу, расширились от видения новых вещей.

У Петунии была плохая неделя, наполненная гневом и обидой.

Ее сестра мертва. Ее отпрыск - в ее доме. Как и Лили, уехать и умереть, оставив после себя отпрыска. Несколько лет не было ни одной весточки, ни одного письма, ничего, кроме отвергнутых приглашений и дьявольских движущихся картинок со свадьбой и младенцем.

Но по ночам, в темноте, она позволяла себе горевать, выплескивать болезненные всплески слез об упущенном времени и возможностях, злость на себя и на весь мир за то, что он разрывает двух сестер на части, как дерево, расщепленное посередине.

Она хотела ненавидеть мальчика. Она хотела обратить свой гнев на ребенка, который носил глаза ее сестры.

Но что-то было не так.

Она не сразу заметила это. Мальчик молчал; по сравнению с ее сыном, закатывающим истерики, он был похож на статую, неподвижно стоящую посреди комнаты, не исследующую ее, не попадающую в неприятности.

И тихий - ни слезинки, чтобы обратить внимание на испачканный подгузник, ни хныканья, чтобы выдать голод.

Но все это можно было проигнорировать. От всего этого можно было отмахнуться, чтобы уделить внимание собственному сыну, который так жаждал этого с каждым криком и толстым машущим кулаком.

А вот что нельзя было игнорировать, так это его невинные глаза, смотревшие на нее. Никогда не сфокусированные в нужном месте, они смотрели на нее с твердой решимостью, словно пытаясь разгадать загадку. Его голова двигалась, прислушиваясь к звукам. Но всегда эти глаза, ярко-зеленые и умные, никогда не смотрели на ее лицо, а следили за ее фигурой, покачивая черноволосой головой.

Через месяц она узнала, узнала с помощью материнской интуиции. Поняла после нескольких простых тестов, когда щелкала пальцами, чтобы увидеть, как он поворачивает голову, и не замечала никакой реакции, когда размахивала руками перед его лицом.

Сын Лили был слеп, или очень близок к этому.

И каждая грань холода в ее теле растаяла. Волшебники никогда бы не захотели иметь слепого мальчика: как он сможет научиться магии? Им нужно было совершенство, такое, как маленькая идеальная Лили, а не Петунья.

Теперь Гарри принадлежал ей. Судьба вернула ей сестру и в каком-то смысле дала второй шанс.

Она не собиралась его упускать.

1982

А вот сын Лили был совсем другим.

В первый год его жизни с ними Петунья позволила себе признать это. Наедине с мужем она делилась своими страхами и догадками.

В мальчике все еще жила магия, она проявлялась в том, что вещи приходили к нему без его прикосновения, в том, что предметы уходили с его пути прежде, чем он успевал на них наткнуться.

По меньшей мере тревожно было наблюдать, как стол и стулья отодвигаются, а малыш медленно ступает по полу кухни на нетвердых ногах.

Мальчик не мог ходить в детский сад. Простая прогулка в парк была сопряжена с опасностью. Приходилось держать мальчика дома, пока он не научится вести себя более нормально.

Дурсли привыкли оправдываться. Да, мальчик слепой. Да, он осиротевший сын моей сестры. Да, ему немного нездоровится. Да, он немного... отстает от своих сверстников. Нет, он не может играть, у него плохая погода. Да, сегодня он останется дома.

Почему? Ну, он другой. Он слепой.

Петуния сосредоточила свое внимание на сыне Лили. В то время как ее Дадли отправили в пансион, она оставалась дома и учила Гарри говорить.

Она учила его формам на ощупь. Она учила его определять предметы на ощупь, животных - по звукам, цвета - по предметам. Она сказала ему, что небо голубое, а также что вода голубая, и провела его руками по миске с водой из-под крана.

Это было трудно. У нее болело сердце, когда она видела его доверчивые глаза, его беспрекословное принятие того, что она ему говорила.

Она читала книги о слепых детях, разговаривала с экспертами по телефону. Петуния Дурсли стала женщиной другого типа - той, что часами сидит с чужим ребёнком без всякой причины, лишь бы помочь ему.

И Гарри Поттер научился.

1985

Дадли не всегда понимал.

У других детей в школе были братья и сестры, и они ничем не отличались от них.

Но его мама говорила, что Гарри был не просто слепым - Гарри был волшебным. Братья и сестры других детей не двигали вещи, не прикасаясь к ним.

А поскольку Гарри был волшебным и слепым, Дадли должен был присматривать за ним. Дадли должен был защищать его, потому что Гарри был особенным.

Пятилетний Дадли надулся от гордости, когда мама сказала ему об этом. Дадли было поручено важное задание. Он должен был вырасти сильным и бдительным, чтобы присматривать за Гарри.

Дадли отнесся к своей задаче очень серьезно. Любой намек на ревность был быстро подавлен простым взглядом в невидящие зеленые глаза кузена. Да и как он мог ревновать? Ему никогда не приходилось делиться своими игрушками, потому что Гарри никогда их не хотел. Гарри не мог их видеть.

Дадли было жаль Гарри, даже несмотря на то, что мальчик был особенным и волшебным, потому что он никогда не мог играть со своими игрушками. Ему было настолько плохо, что он хотел бы поделиться ими, хотел бы, чтобы кузен увидел их хотя бы на час, и они могли бы

поиграть вместе.

Когда он рассказал об этом маме, она расплакалась.

Вернон был в замешательстве.

Жена рассказывала ему о своей странной сестре, но Вернон скорее считал, что Петуния сама немного тронута, раз верит, что магия существует.

Движущиеся картинки по почте не были такими уж странными - просто фокус, от которого легко отмахнуться.

Но когда сирота в его доме начала передвигать вещи, Вернон Дурсли был практичным человеком. Деловым человеком. Теперь он знал, что есть что-то, чего он никогда не сможет понять.

Его жена больше не говорила грубо о своей сестре и «ей подобных». Она была нежна с мальчиком, и Вернон видел, что их собственный сын получает выгоду от того, что помогает заботиться о маленьком Гарри.

Он был доволен таким раскладом. Петуния оставалась дома, занималась домом и детьми, а он ходил на работу и зарабатывал деньги. То, что теперь вместо одного ребенка было двое, да еще и странных, мало что меняло.

И с этим волшебным делом, в конце концов, оказалось не так уж сложно жить.

<http://tl.rulate.ru/book/120146/4958161>